

Я открыл глаза и увидел, что Стейси уже встала и встала с кровати. Я вздохнул: еще одна ночь без секса. Сколько времени прошло, три недели, может, четыре, и все еще ничего. И даже когда Стейси разрешала мне войти, должно было быть выключено освещение, полная темнота, прежде чем она соглашалась. Как только гас свет, она скользила в кровать, натягивая свою длинную фланелевую ночную рубашку достаточно высоко, чтобы обнажить свою киску.

Я даже не мог насладиться зрелищем того, как она раздевается догола, или смотреть на ее обнаженное тело в пылу страсти, когда я трахал ее. Ничего, кроме миссионерской позиции, никаких поцелуев, никакой страсти, она была просто живой мастурбационной втулкой, в которую я засовывал свой член. Мне всегда приходилось смазывать его, она настаивала, что я слишком большой для нее, 7 дюймов - это слишком много? Как только я выплескивал свой заряд в ее тугое, сопротивляющееся тело, она бежала в ванную и выливала все, что я в нее выкачал. Когда она возвращалась в постель, длинная ночная рубашка все скрывала, она скользила в кровать рядом со мной, но не так, чтобы наши тела соприкасались. У нас была двуспальная кровать, поэтому между нами всегда было достаточно места, чтобы наши тела не соприкасались в течение ночи.

Мне посчастливилось увидеть Стейси обнаженной лишь однажды, в нашу брачную ночь. Она пошла в ванную, чтобы подготовиться к моему твердому члену. В наше время она заставила меня ждать, она думала, что ее святая девственность - это своего рода драгоценный подарок, который она хотела преподнести мне в нашу брачную ночь. Я услышал, как включился душ, подкрался и осторожно открыл дверь в ванную. Я увидел ее наготу, черт возьми, она выглядела как что-то из "Самых горячих из горячих" журнала Playboy. Ее сиськи были большими и круглыми, соски идеально расположены, о да, я мог бы играть с этими увесистыми молочными кувшинами весь день и не устать от этого. Ее тело изгибалось вниз, талия была утонченной, а живот тощим, отчего ее кувшины казались еще больше.

Бедра были чертовски изогнуты, а благодаря прозрачному стеклу душевой двери я мог видеть аккуратно подстриженное гнездышко лобковых волос, таких же светлых, как волосы на ее голове. Я смотрел, упиваясь, как она поворачивается то в одну, то в другую сторону, о, черт, ее задница была идеальной, изящные изгибы ее лун, упругие и гладкие. Я хотел вылизать ее тугую дырочку, провести по ней пальцем, и, возможно, она будет достаточно авантюрной, чтобы позволить мне взять ее заднюю дверь. Я представлял, как ее небесно-голубые глаза бушуют от вожделения, как блаженство играет на ее лице, как она кричит и стонет от оргазмического наслаждения, когда я взрываюсь внутри нее. О Боже, мой член болел, и я устроился на кровати, мой член заметно выпирал.

Когда Стейси вышла из ванной, я посмотрел и обомлел. На ней была ночная рубашка до пола, какая-то несексуальная фланелевая штука, закрывающая ее от шеи до щиколоток. Моя фантазия о том, что она выскочит из ванной в каком-нибудь прозрачном белом тедди, или в прозрачном бэби-долле, или в кружевном поясе с подвязками и чулками, развеялась. По выражению ее лица было ясно, что она не готова к этому так же, как и я. Она подошла к выключателю, и в комнате стало темно, так темно, что я ни черта не видел. Я услышал шорох, когда она снимала ночную рубашку, и она скользнула ко мне в постель. Даже в нашу брачную ночь мне не разрешалось видеть ее голой, и мне чертовски повезло, что я подглядел за ней в душе. Я притянул ее в свои объятия, ощущая жесткость ее тела. Я попытался поцеловать ее, попытался устроить прелюдию, разогреть ее, но она ничего не хотела.

Она сунула мне в руку тубик и сказала: "Смажь свою штуку, потом засунь ее в меня и трахай меня, пока не снимешь".

Я почти сказал "ни за что на свете", но от вида ее наготы, которую я смог увидеть, и от моего возбужденного сознания у меня встал член, который требовал разрядки. Я быстро намазался, и мне почти пришлось раздвинуть ее ноги. Мои пальцы нашли ее отверстие, оно было сухим, и я попытался возбудить ее с помощью пальцев, но она оттолкнула их.

"Просто засунь его внутрь и трахни этот стояк".

Это разозлило меня, мысль о том, что я должен был использовать Стейси как живое приспособление для мастурбации, и я навалился на нее, схватив ее за ноги. Я водрузил их себе на плечи и толкнулся, сильно. Ее крик наполнил комнату, когда я с силой вошел в ее святую пизду, проникая в нее, разрывая и полностью разрушая ее девственную плеву. Ощущение ее тугой девственности вокруг моего члена и легкое расслабление, когда я разрывал ее вишню, возбудило меня.

С ревущей и требовательной похотью я держал ее ноги на своих плечах, схватил ее за бедра и прижал ее таз к своему, глубоко входя, чтобы завершить ее дефлорацию. Лара издала еще один крик, когда мой член вошел в нее до самых яиц, проникая в нее полностью. Я отпрянул назад и снова вошел в нее, до основания, сопровождаемый еще одним криком, гнев подстегивал мою похоть.

Я заполнил свой разум образами ее тела и тем, что бы я хотел сделать, чтобы мы оба получили удовольствие. Я не почувствовал никакого ответа, она просто крепко вцепилась в простыни и позволила мне таранить ее, издавая болезненные крики, ворчание и стоны неудовольствия, а я заполнил свой разум мыслью о том, как она преподносит мне свое тело, ее воображаемый голос был сексуальным мурлыканьем, сменяющимся криками оргазмического удовольствия, когда ее киска сжималась вокруг моего члена.

<http://erolate.com/book/1078/27028>